

ОФОРМЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ С КОНСУЛЬСКИМ КОРПУСОМ В ПРИАМУРСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ (1908—1912 гг.)

Татьяна Яковлевна ИКОННИКОВА,

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета, Хабаровск.
E-mail: ikonnikova@mail.ru

В статье рассматриваются особенности оформления взаимоотношений с консульским корпусом в Приамурском крае в 1908—1912 гг. Автор даёт объективную оценку трудностям, связанным с применением норм международного права в этом вопросе.

Ключевые слова: Россия, Приамурский край, чиновник по дипломатической части при Приамурском генерал-губернаторе, консульский корпус.

ESTABLISHMENT OF RELATIONS BETWEEN CONSULAR OFFICIALS AND GOVERNOR GENERAL IN PRIAMURSKY AREA (1908—1912)

Tatiana J. Ikonnikova. Dr. Sc. (History), Head of Russian History Dept of the Far Eastern State University of Humanities, Khabarovsk.

The article considers particular establishment of diplomatic relations between consular officials and the Governor General of the Priamursky region in 1908—1912. The author estimates the difficulties connected with the implementation of standards of international law concerning this matter.

Key words: Russia, Priamursky region, the diplomatic official, Priamursky Governor General's administration, consular corps of foreign countries.

Институт чиновников по дипломатической части как полномочных представителей Министерства иностранных дел при генерал-губернаторах сложился в XIX в. В связи с присоединением далёких от центра территорий и выходом на границы с новыми государствами такие должности были введены на Кавказе, в Средней Азии и Приамурском крае. Например, на этой должности в штате главноуправляющего Грузией генерала А.П. Ермолова некоторое время служил А.С. Грибоедов.

25 ноября 1896 г. Государственный совет принял решение об утверждении с 1 января 1897 г. должности чиновника по дипломатической части

при приамурском генерал-губернаторе. При этом учитывались как особая удалённость края от центра, так и необходимость нахождения непосредственно в штате управления генерал-губернатора профессионального дипломата для правильного применения норм международного права. Изучение истории деятельности дипломатических чиновников при приамурских генерал-губернаторах позволяет восстановить особенности формирования унифицированных административно-управленческих структур на тихоокеанской окраине страны, а также определить место полномочного представителя Министерства иностранных дел в системе взаимоотношений центральных и местных властей [1, с. 38—41].

После русско-японской войны 1904—1905 гг. российское правительство решило отказаться от активной внешней политики на Дальнем Востоке. По мнению нового министра иностранных дел А. П. Извольского, Россия в конце XIX — начале XX в. отклонилась от центра своих исторических интересов, лежавшего в Европе и на ближнем Востоке: «Мы должны поставить наши интересы в Азии на надлежащее место, — подчёркивал он, — иначе мы сами станем государством азиатским, что было бы величайшим бедствием для России» [2, с. 198]. В этих условиях важнейшая роль в развитии стабильных международных отношений с сопредельными странами Дальнего Востока отдавалась администрации Приамурского генерал-губернаторства и специалистам центральных ведомств, постоянно работавшим в регионе. В связи со сложившимися обстоятельствами особое значение приобретала деятельность чиновника по дипломатической части.

Однако с 1905 по 1908 г. столь важная должность временно оставалась вакантной. Генерал-лейтенант П. Ф. Унтербергер, назначенный на должность приамурского генерал-губернатора в ноябре 1905 г., в 1906 г. обратился к министру иностранных дел с просьбой о скорейшем назначении представителя министерства в свою администрацию. 20 декабря 1906 г. он телеграфировал в Санкт-Петербург: «Ввиду значительно увеличившейся за последнее время переписки по дипломатической части... прошу о возможно скорейшем замещении вакантной с 6 февраля 1905 г. должности дипломатического чиновника при генерал-губернаторе» [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1096. Л. 69]. Однако подбор кандидатуры затянулся на два года.

Назначение на эту должность получил коллежский советник Николай Вячеславович Богоявленский. Он прибыл в Хабаровск в конце 1908 г. К этому времени у него уже был большой опыт дипломатической работы в Китае. О своих наблюдениях Н. В. Богоявленский написал книгу «Западный застенный Китай». Во время русско-японской войны он весьма успешно исполнял обязанности российского дипломатического представителя в Харбине. Его деятельность была положительно оценена министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом [Там же. Д. 1056. Л. 72, 147 об., 148 об.].

Прибыв в Хабаровск, Н. В. Богоявленский был представлен приамурскому генерал-губернатору П. Ф. Унтербергеру. Впечатления нового чиновника о компетентности первого лица региона в дипломатических

делах были далеки от того, чтобы можно было вообще признать её наличие. В служебной записке, направленной в Министерство иностранных дел в январе 1909 г., Н.В. Богоявленский отмечал: «Вопрос, который служит для генерал-губернатора предметом постоянных огорчений — это иностранные консулы в Приамурье. С иностранными консулами генерал Унтербергер ранее дела не имел. Не знает их прав и обязанностей и не знает, как к ним относиться. Я ему сделал по этому поводу целый доклад, которым он удовлетворился. Просил только изложить доклад письменно. «Доклад этот, — сказал он, — нужен мне постоянно для справок».

Кроме того, Н.В. Богоявленский отметил, что генерал-губернатора «...будоражил вопрос о том, а вдруг иностранные консулы вздумают, хотя не имеется на это права, заниматься делами дипломатическими... Он приказал было мне написать письмо министру с просьбой дать указания консулам через посольства не вмешиваться в политику, но я убедил его, что в этом нет никакой надобности, т.к. вопрос этот решён уже в консульском праве, а общие указания подобного рода ничего бы не дали». И далее Н.В. Богоявленский сказал П.Ф. Унтербергеру: «...если встретится какой-либо конкретный случай вмешательства консулов не в свою сферу, то действия их и можно будет обжаловать... Генерал-губернатор со мной согласился» [Там же. Д. 1096. Л. 84—84 об.].

Таким образом, П.Ф. Унтербергер оказался далёк от понимания того, что возникновение консульской службы вызвано конкретной реальной необходимостью развития международной торговли и торгового мореплавания. Чиновнику по дипломатической части Н.В. Богоявленскому в силу этих обстоятельств пришлось разъяснять генерал-губернатору главные задачи консульских служб: обеспечение интересов бизнеса и оказание необходимого покровительства своим подданным, находившимся на территории России.

Не были исключением в этом смысле и другие представители местной администрации. Летом 1910 г. Н.В. Богоявленский по приказу П.Ф. Унтербергера был откомандирован во Владивосток для ознакомления с деятельностью иностранных консулов. С большим сожалением он отмечал, что «во Владивостоке среди местной администрации лиц, знающих международное право, в особенности же знакомых на практике с правом консульским, совсем нет». Кроме того, «деятельность консулов ещё до сих пор в значительной мере определяется обычаем и традициями». Между тем в 1910 г. во Владивостоке действовали 11 консульств: бельгийское, германское, греческое, итальянское, китайское, голландское, норвежское, североамериканское, турецкое, французское, шведское и японское. Функционировали также два вице-консульства: Великобритании и Франции [4].

Н.В. Богоявленский вынужден был признать: «...чины нашей администрации не знают прав и обязанностей консулов и не знают, как к ним относиться». Не называя имени источника информации, чиновник по дипломатической части отмечал: «Один из опытных служащих совершен-

но откровенно мне сказал: „Бог знает, на что имеют право эти консулы. Просят чего-нибудь. Разрешить им, думаешь, будет неприятность от начальства. Не разрешить — тоже как будто неудобно. Не знаешь, что тут и делать. Лучше держаться от них подальше“». Таким образом, чиновники Приморской области намеренно уклонялись от каких-либо контактов с консульским корпусом. Естественно, таким поведением они вызывали недоумение и раздражение дипломатических представителей европейских и азиатских стран и США, работавших во Владивостоке.

Н. В. Богоявленский зафиксировал мнение французского вице-консула о том, что российские власти во Владивостоке «...долго не отвечают на письменные запросы консулов или отвечают отказом». Кроме того, чиновник по дипломатической части отметил, что пример столь неблагоприятного поведения подавал прежний вице-губернатор Я. П. Павленко, который старался вообще избегать какой-либо переписки с иностранными консулами, «...а предпочитал личные с ними переговоры» [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1096. Л. 128].

Вследствие такого отношения к консульскому корпусу со стороны местной администрации нередко возникали недоразумения и взаимное недовольство. Так, 6 мая 1910 г., в день рождения Николая II, японское консульство не подняло над своим зданием русский флаг, что вызвало протест со стороны российских властей. Однако все консулы заявили ответную претензию, суть которой состояла в том, что местная администрация не приглашает их на молебствия в Царские дни и даже не объявляет об этом в газетах, поэтому они и не могут отмечать российские праздники. Недоразумения возникали и по поводу организации взаимных визитов, форм обращения и переписки и т.д. По мнению Н. В. Богоявленского, все эти негативные обстоятельства, омрачавшие как работу консульского корпуса, так и развитие международных связей России в регионе, объяснялись «...исключительно незнакомством чинов местной администрации с консульской деятельностью и правом».

Неоднократно бывая во Владивостоке, Н. В. Богоявленский проанализировал сложившуюся ситуацию и провёл подготовительную работу по её урегулированию. Ещё в январе 1910 г. на межведомственном совещании при приамурском генерал-губернаторе был рассмотрен проект о порядке взаимодействия консульского корпуса с администрацией края. 30 июня 1910 г., т.е. накануне отъезда Н. В. Богоявленского во Владивосток, П. Ф. Унтербергер сделал официальное предписание о том, что «все сношения японских, а стало быть, и других консулов в Приамурье должны вестись генерал-губернатором через дипломатического чиновника». Это решение было с одобрением встречено во Владивостоке. Прежде всего с облегчением вздохнули чиновники Приморской области, так как они теперь были избавлены «от лишних хлопот и затруднений». Об этом Н. В. Богоявленскому говорил и военный губернатор Приморской области генерал-лейтенант И. Н. Свечин и другие представители администрации. Кроме того, они высказали пожелание, чтобы Н. В. Богоявленский возможно чаще приезжал во Владивосток.

В свою очередь, «...все консулы были довольны, что [теперь. — *Т.И.*] сношения они должны вести с генерал-губернатором через дипломатического чиновника, лицо достаточно сведущее в международном праве и опытное в международных отношениях» [Там же. Л. 129].

Таким образом, одним из главных достижений Н.В. Богоявленского стало упорядочение взаимоотношений высших административных лиц Приамурского генерал-губернаторства с консульским корпусом. Однако, как только этот вопрос был улажен, сразу возник другой, связанный с исполнением правил субординации. В связи с тем что теперь для иностранных консулов дипломатический чиновник стал официальным представителем российской власти в крае, его роль и положение становились более значительны. Но согласно росписи гражданских чинов Н.В. Богоявленский оставался коллежским советником, т.е. чиновником VI класса, что соответствовало военному чину полковника. Это должностное положение в глазах консульского корпуса выглядело крайне низким и вызывало по меньшей мере удивление. Н.В. Богоявленский в сентябре 1910 г. обратился к П.Ф. Унтербергеру с ходатайством о необходимости незамедлительного перевода должности чиновника по дипломатической части с VI в V класс, т.е. в должность статского советника, соответствовавшую военному чину бригадира. Н.В. Богоявленский писал о том, что дипломатический чиновник «...должен иметь и надлежащий служебный вес, и авторитет в глазах консулов. А этот авторитет... он может иметь, если он будет занимать надлежащее служебное положение среди других представителей местной администрации». Далее он обратил внимание на то, что в России кроме Приамурья «...дипломатические чиновники существуют в Тифлисе и Ташкенте, и оба они состоят в пятом классе по должности». Анализируя причину ущемления своих прав, Н.В. Богоявленский счёл нужным весьма тактично заметить: «Когда же учреждалась должность дипломатического чиновника в Хабаровске, то, как оказывается, совершенно случайно она была учреждена в шестом классе. Это обстоятельство, в особенности при настоящем отношении его к консулам, ставит его перед ними в неловкое положение, т.к. все остальные представители разных ведомств в Хабаровске в пятом классе».

Далее Н.В. Богоявленский обращал внимание приамурского генерал-губернатора на то, что во Владивостоке среди одиннадцати консульств было два генеральных консула*. Оба эти консула — и японский господин Отори, и особенно китайский господин Куэфан — «...очень высокого мнения о своём служебном положении и не со всяким чиновником будут иметь дело». Ранее во время визита к дипломатическому чиновнику они «...интересовались тем, какое у меня служебное положение, и были очень удивлены, когда от меня узнали, что дипломатический чиновник по своему рангу ниже, чем например, правитель канцелярии или Управляющий государственными имуществами, с которыми им приходилось иметь дело».

* Китайское Императорское генеральное консульство действовало во Владивостоке с 1909 по 1916 г., Японское Императорское генеральное консульство — с 1910 по 1916 г.

После того как для всех консулов было установлено единое правило обращения к приамурскому генерал-губернатору через дипломатического чиновника, к Н.В. Богоявленскому с этими вопросами стали обращаться все консулы. Китайский генеральный консул Куэфан «...высказал уверенность, что теперь, когда на меня возложили такие важные обязанности, я буду повышен и в ранге. И, зная китайские взгляды на служебную иерархию, я нисколько не удивлюсь, если китайский консул откажется сноситься со мной». Завершая своё прошение и подводя итог всему изложенному, Н.В. Богоявленский резюмировал: «Вот почему и необходимо должность дипломатического чиновника в Хабаровске возвысить в пятый класс» [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1096. Л. 130 об.—131].

Следует отметить, что такое же ходатайство Н.В. Богоявленский направил и в Министерство иностранных дел, где его аргументы сочли убедительными. Было признано целесообразным «...поставить должность чиновника по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе на известную высоту, дабы поднять престиж чиновника в глазах других ведомств, с коими этому чиновнику по делам службы приходится выступать в сношения, повысить эту должность из шестого в пятый класс и предоставить ему возможность нанимать приличествующую его положению квартиру, что при дороговизне помещений в Хабаровске исполнимо лишь при условии увеличении кредита на наём квартиры» [Там же. Л. 114—114 об.].

Перевод Н.В. Богоявленского в чиновники пятого класса, таким образом, состоялся. Однако этот перевод не означал автоматического закрепления V класса за должностью дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе. Назначенный ему на смену в 1913 г. М.П. Куренков находился в чине VII класса, т.е. надворного советника, что соответствовало воинскому чину подполковника, и только в июле 1916 г. Куренков «...за выслугу лет был переведён из надворных в коллежские советники, т.е. в чин VI класса» [Там же. Ф. 327. Оп. 599. Д. 119. Л. 39, 42].

В связи с этим фактом возникает сомнение в «случайности» определения VI класса для этой должности при её учреждении. Система управления из Петербурга отдалёнными окраинами страны имела свою иерархию, подразумевала различные виды неравенства к столичным и центральным губерниям. Сегодня ряд исследователей, определяя место Сибири и Дальнего Востока в Российском государстве XIX — начала XX в., говорят о них как о «провинции третьей степени». Они полагают, что с этим было связано и её административное неравноправие [5, с. 343—358; 208]. Даже создание унифицированных управленческих структур и должностей не устраняло определённой противоречивости и непоследовательности действий центра. Это наглядно демонстрируют примеры отношения к чиновнику по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе.

Особое внимание Н.В. Богоявленский уделял вопросу о границах консульских округов. При первой встрече с генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером ещё в январе 1909 г. чиновник по дипломатической части

получил задание написать министру иностранных дел письмо о недопустимости расширения существующих границ. В специальной записке в МИД Н.В. Богоявленский сообщал, что «...хотя составлял письмо я, но генерал-губернатор его изменил так, что оно получило иной характер, чем я предполагал придать. Я не думаю, например, чтобы консульский округ можно было ограничить пределами Владивостока. Японцы первые на это не согласятся. Но, вообще-то, консульские округа точно определить здесь необходимо, иначе недоразумения неизбежны» [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1096. Л. 84—84 об.].

В течение 1909 и 1910 гг. территориальные границы консульств были расширены. Первоначально в округ иностранных консульств во Владивостоке входил лишь сам город Владивосток, а в Николаевске — город Николаевск. Затем, как писал в отчёте о своей деятельности за 1911 г. Н.В. Богоявленский, «...с развитием края и международных сношений это ограничение стало казаться иностранцам стеснительным, и вследствие этого сначала японское правительство, а затем французское возбудили вопрос о расширении округов их консулов в Приамурье. Японцы стали настаивать. Нам пришлось уступить, и округ японского консула во Владивостоке был расширен на всю Приморскую область, кроме Удского уезда, который вошёл в округ Николаевского консула, Камчатскую и Сахалинскую [области. — *Т.И.*]. Вслед за японцами этой льготой воспользовались и другие консулы во Владивостоке» [Там же. Д. 1097. Л. 29].

Если П.Ф. Унтербергер, несмотря на отсутствие знаний об особенностях консульской деятельности, был в целом внимателен к предложениям чиновника по дипломатической части, то сменивший его в январе 1911 г. Н.Л. Гондатти занял иную позицию. Из отчёта Н.В. Богоявленского о деятельности за 1911 г. видно, что многие вопросы взаимоотношений с консульским корпусом, которые, казалось, были окончательно решены, новым руководством края возвращены «на исходные позиции».

Чиновник по дипломатической части обратил внимание нового начальника на то, что расширение границ консульских округов в столь обширном регионе, как Приамурье, для России в целом невыгодно. Оно расширяло «...область влияния иностранных консулов в наших пределах, а имея в виду ту власть и влияние, какую имеет над своими соотечественниками, например, японский консул, это в случае каких-либо международных осложнений может оказаться даже опасным, да и в обыкновенное время неудобно».

Но если расширение границ консульств уже состоялось, то изменение порядка взаимоотношений консульского корпуса и местных властей являлось отступлением от уже принятых правил. По распоряжению Н.Л. Гондатти местным администрациям областей было возвращено право прямого общения с консулами. По мнению Н.В. Богоявленского, такой шаг был «невыгодной уступкой». Он настаивал на возвращении обязательного условия, «...чтобы иностранные консулы сносились по всем более или менее важным делам, а по рыболовным обязательно, не с ме-

стными нашими властями, а с генерал-губернатором, притом через стоящего при нём чиновника Министерства иностранных дел по дипломатической части».

Наблюдая негативный опыт нового порядка взаимоотношений консулов и местной администрации, но не имея полномочий прямо сказать начальнику края об этом, Н.В. Богоявленский в предупредительной форме указывал в марте 1912 г.: «Разрешение иностранным консулам сношений со всеми представителями русской власти могло бы вызвать на практике ряд осложнений и недоразумений даже с дурными результатами для общего политического положения на Дальнем Востоке». И далее он вновь, как несколько лет назад, обращал внимание первого лица администрации Приамурья на то, что «отдельные представители русской власти могут не знать ни международного права, ни порядка сношений с иностранными представителями, наконец, могут даже разойтись между собою и генерал-губернатором, а всё это прямо или косвенно может принести вред делу».

Зная, что шталмейстер Н.Л. Гондатти не имел опыта дипломатической службы, и полагая, что он, как когда-то П.Ф. Унтербергер, с должным вниманием отнесётся к его предложениям, Н.В. Богоявленский пытался убедить нового начальника края объединить в своих руках все взаимоотношения с иностранными консулами через дипломатического чиновника, имевшего на то полномочия Министерства иностранных дел. Такой порядок, несомненно, должен был устранить «...немало поводов к недоразумениям с консулами», а также «международные осложнения». Завершая свои предложения по этому вопросу, Н.В. Богоявленский высказывал уверенность в том, что «генерал-губернатор, зная взгляды правительства на тот или другой вопрос, располагая нужными данными и имея при себе в лице дипломатического чиновника специалиста в делах разработки и освещения вопросов, имеющих международный характер, может направлять сношения с консулами так, как для нас это удобнее или более необходимо с точки зрения интересов Приамурского края или нашего общего политического положения» [Там же. Л. 30].

Однако реакция Н.Л. Гондатти на эти вполне оправданные предложения Н.В. Богоявленского была крайне резкой. Именно с 1912 г. новый начальник края увлёкся проектом преобразований административно-территориального устройства, расширением состава областных управлений и круга их компетенций [6, с. 56]. Предложения представителей центральных министерств и ведомств нередко вызывали у него раздражение. В 1916 г. полномочный представитель Центрального военно-промышленного комитета во Владивостоке Д.А. Лутохин отметил: «Гондатти был энергичный, образованный работник, но без принципов, даже без обычных человеческих слабостей... Он расчётливо чётко выполнял предначертания правительства, но делал, впрочем, и то, что ему не поручали, но за что бы имел основания получить благодарность» [РНБ. ОР. Ф. 445. Ед. хр. 3. Л. 10 об.—11].

Возможно, именно из-за этих черт характера и нежелания иметь в лице Н.В. Богоявленского квалифицированного советника в вопросах взаимоотношений с консульским корпусом Н.Л. Гондатти быстро нашёл повод для отправки указанного чиновника из Приамурья. Уже в апреле 1912 г. Н.В. Богоявленский по разрешению Министерства иностранных дел получил полугодичный отпуск. С сентября 1913 г. Н.В. Богоявленский назначен российским консулом в Номе и Сиэтле [АВПРИ. Ф. 148. Оп. 487. Д. 1097. Л. 40; Оп. 579. Д. 119. Л. 4].

Таким образом, в начале XX в. отношение генерал-губернаторов к чиновникам Министерства иностранных дел, направленных к ним в штат, носило во многом не правовой, а субъективный характер. Рассмотренные в статье примеры плодотворной деятельности чиновника по дипломатической части при приамурском генерал-губернаторе Н.В. Богоявленского свидетельствуют о том, что в зависимости от лица, находившегося на должности главного начальника края, результаты кропотливой работы по упорядочению взаимоотношений с консульским корпусом могли как динамично развиваться, так и в одночасье быть свёрнуты. Действия первого гражданского начальника края Н.Л. Гондатти показывают, что многие проблемы он предпочитал решать самостоятельно, без помощи и консультаций чиновника по дипломатической части. И всё же практика подтвердила необходимость столь важной должности в Приамурье. Конкретные шаги для урегулирования дипломатических вопросов с соседними государствами Дальнего Востока и непосредственно с их консульствами, а также с консульствами Европы и США принесли реальные результаты в годы Первой мировой войны [7]. Однако региональный опыт, накопленный за 20 лет дипломатической деятельности, не был востребован советской властью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Иконникова Т.Я. С.М. Духовской и учреждение должности дипломатического чиновника при приамурском генерал-губернаторе // Третьи Гродековские чтения: материалы регион. и науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: исторический опыт и современные проблемы заселения и освоения территории». Хабаровск: ДВГНБ, 2001. Ч. 1.
2. История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1999.
3. Богоявленский Н.В. Западный застенный Китай, его прошлое, настоящее состояние и положение в нём русских подданных. СПб, 1906.
4. http://www.v1150.ru/new/inostrantsi_v_primore.
5. Ремнёв А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. № 3/4; Сверкунова Н.В. Об особенностях культурного развития Сибири // *Регионология*. 1996. № 1.
6. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997.
7. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Хабар. гос. пед. ун-т, 1999. 365 с.
8. АВПРИ (Арх. внешней политики Российской империи).
9. РНБ. ОР. (Рос. науч. б-ка. Отдел рукописей).